КИШИНЕВСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

РѢЧИ

ЗАЩИТНИКОВЪ.

Изданіе

Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза

въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи (Бунда)

Цѣна 50 коп.

1904 годъ.

Типографія Бунда.

Кишиневскій процессъ **окончен**ъ.

Это въ дѣйствительности былъ не одинъ, **а два** судебныхъ процесса.

Первый представлялъ изъ себя **пошлую, преступную** комедію: русское правительство въ лицѣ своихъ судей-чиновниковъ судило **дикую и невѣжественную** шайку, которую **предварительно** долго опьяняли жаждой крови и просто **спиртомъ**, а затѣмъ, когда ея звѣрскіе инстинкты **были уже** разнузданы, двинули на кровавую бойню, **на грабежи**, изнасилованія и убійства беззащитныхъ евреевъ.

И эти жалкіе звѣри сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ.

Но была и другая скамья подсудимыхъ, на которой сидѣли истинные виновники и организаторы кишиневской рѣзни — самодержавное правительство въ лицѣ своихъ агентовъ — начальника охраннаго отдѣленія, барона Левендаля, губернатора фонъ-Раабена со всей его полицейской сворой, героевъ газетнаго разврата Суворина, Крушевана съ ихъ сподручниками изъ мѣстнаго „образованнаго“ общества, Писаржевскимъ, Малаемъ, Щербанемъ и др.

И этотъ судъ творила надъ ними вся Европа, весь цивилизованный міръ, съ замираніемъ сердца слѣдившій за всѣмъ ходомъ слѣдствія, которое ве-

ла на судѣ блестящая плеяда нашихъ адвокатовъ.

Съ самаго начала процессъ былъ обставленъ такъ, чтобы по возможности затемнить и скрыть истину. Всѣ обвиняемые были раздѣлены на 22 группы, всѣ происшествія раздроблены на мелкіе эпизоды, съ единственной цѣлью — путемъ сосредоточиванія вниманія на мелочахъ, затруднить возможность составленія ясной и цѣльной картины, возможность открытія истинной подкладки этой неслыханной бойни.

Но всѣ старанія оказались напрасными.

Съ перваго же дня судебнаго разбирательства всплыли наружу настоящіе виновники погрома; защита открыто называла ихъ имена, свидѣтельскія показанія краснорѣчиво подтверждали то, что уже давно было на устахъ всей честной и мыслящей Россіи, всего цивилизованнаго міра.

На судѣ менѣе всего говорили о сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ жалкихъ пѣшкахъ, не понимавшихъ ни за что ихъ судятъ, ни о чемъ говорятъ свидѣтели и защита. Все вращалось вокругъ истинныхъ организаторовъ кишиневской рѣзни, которыхъ слѣдственная власть — конечно, по приказу Плеве — не сочла даже нужнымъ допросить.

Въ виду этого защита требовала, чтобы все дѣло было направлено къ дослѣдованію.

Могъ ли судъ удовлетворить это требованіе?

Конечно, нѣтъ! Ибо это значило бы привлечь къ допросу, а затѣмъ неизбѣжно посадить на скамью подсудимыхъ не только Левендаля, Раабена, и прочую мелкую сошку, но и все самодержавное правительство съ Плеве во главѣ.

Получивъ отказъ, адвокаты заявили, что они

вынуждены сложить съ себя исполненіе обязанностей защиты гражданскихъ истцовъ и остаются въ залѣ лишь для контроля за свидѣтельскими показаніями.

Но убѣдившись вскорѣ, что судъ не даетъ имъ, вопреки элементарнымъ требованіямъ закона, выполнить даже эту функцію, защитники *) и гражданскіе истцы сложили съ себя полномочія и оставили залъ судебнаго засѣданія.

Болѣе оставаться было дѣйствительно излишне. Судъ надъ истинными виновниками былъ законченъ и приговоръ произнесенъ съ того момента, какъ защитѣ отказано было въ ея ходатайствѣ о изслѣдованіи.

Присутствовать при окончаніи другого процесса, процесса-комедіи надъ дикарями, игравшими роль слѣпого орудія—было бы недостойно той высокой общественной задачи, которую взяли на себя въ этомъ случаѣ лучшіе представители нашей адвокатуры.

---

*) За исключеніемъ, конечно, антисемита Шмакова, все поведеніе котораго показало, что онъ является (да и самъ смотритъ на себя) защитникомъ не подсудимыхъ, а отсутствовавшихъ подстрекателей, его товарищей по духу и человѣконенавистничеству.

РѢЧИ:

Карабчевскаго
Шамошина
Кальмановича

ЗАЯВЛЕНІЯ:

Соколова
Грузенберга
Пергамента

ВОЗРАЖЕНІЕ Грузенберга Шмакову

Рѣчь Карабчевскаго.

„Товарищи уполномочили меня заявить Судебной Палатѣ, что мы всецѣло присоединяемся къ ходатайству тѣхъ защитниковъ, которые полагаютъ, что далѣе процессъ идти не можетъ, и что, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ, подлежитъ, на точномъ основаніи ст. 549 Уст. Уг. Суд., обратить дѣло къ дослѣдованію въ интересахъ всесторонняго раскрытія истины. Скажу болѣе, не одинъ разъ, когда всплывало какое-нибудь сенсаціонное обстоятельство, проливавшее случайный свѣтъ на существеннѣйшія, хотя и считающіяся почему-то до сихъ поръ интимными, обстоятельства дѣла, намъ самимъ приходило въ голову, что вести дальше процессъ въ такихъ рамкахъ и тѣхъ предѣлахъ, которые ему произ-

вольно отмежеваны судебнымъ слѣдствіемъ и прокуратурой, невозможно. Не разъ сильнѣйшее волненіе овладѣвало нами, и мы употребляли нечеловѣческія усилія, чтобы удержаться отъ возгласа: „Это не правосудіе, и мы не въ храмѣ правосудія". Это случалось каждый разъ, когда открывалось новое обстоятельство, указывавшее на то, что настоящіе подсудимые только простыя пѣшки, только сбродъ наемный или случайный, недоумѣвающіе даже, о чемъ говорятъ свидѣтели и кого послѣдніе разумѣютъ, когда указываютъ на признаки предварительной организаціи, задумавшей и осуществившей все это кровавое и гнусное дѣло. Мы сдерживались, дорожа каждымъ новымъ случайнымъ разоблаченіемъ, каждымъ штрихомъ, подтверждавшимъ наши печальныя догадки. Теперь ихъ накопилось болѣе, чѣмъ достаточно въ порядкѣ простого судебнаго изслѣдованія, намъ нечего болѣе ждать, некуда болѣе идти, мы передъ какой-то глухой стѣной. Передъ нами неопровержимый фактъ организаціи погрома, но для того, чтобы разобрать эту глухую стѣну, мы должны призвать на помощь слѣдственную и прокурорскую власти, со всѣми ихъ полномочіями, со всей ихъ энергіей, дабы не скрылись слѣды преступной организаціи, дабы съ логической безпощадностью была обнаружена вся истина. Вы можете меня спросить: но можетъ ли быть примѣнима ст. 549 Уст. Уг. Суд. къ данному случаю, могутъ ли имѣть вновь открытыя нами обстоятельства (предварительная организація, насилія надъ евреями и пр.) вліяніе на дальнѣйшее направленіе именно

даннаго процесса о данныхъ подсудимыхъ. Какъ юристъ, оставаясь на почвѣ самой строгой процессуальной законности, полагаю—огромное. Новыя обстоятельства, выясненныя впервые лишь здѣсь, на судѣ, касаются, между прочимъ, какой-то странной связи кишиневскаго погрома съ готовившейся на тѣ же числа политической демонстраціей. Въ непосредственной же связи стоитъ та, повидимому, довольно сложная организація и подготовка нападенія на евреевъ, которая разыгралась въ своемъ дикомъ размахѣ, главнымъ образомъ, 7-го апрѣля, когда собранныя во дворѣ губернаторскаго дома войска бездѣйствовали, ожидая иного, таинственнаго назначенія. Если подтвердятся и выяснятся характеръ, цѣли и задачи организаціи, быть можетъ, своекорыстные, быть можетъ, лежащіе совершенно внѣ условій 269[1] ст. Ул. о Нак., т. е. внѣ условій племенной, экономической или религіозной вражды, то распадается и самая 269[1] ст. Ул. о Нак., по которой подсудимые преданы вашему суду. Весь погромъ распадается на рядъ отдѣльныхъ насильственныхъ актовъ надъ евреями, актовъ, не менѣе преступныхъ, но не объясненныхъ, не смягченныхъ ни духомъ, ни мотивами, ни цѣлями перечисленными въ гуманной 269[1] ст. Ул. о Нак. Многіе свидѣтели (и вчера еще приставъ Оссовскій) удостовѣрили, что объединяющимъ девизомъ и лозунгомъ для насильничавшихъ надъ беззащитными евреями были слова: „нашего батюшку-царя евреи обидѣли“. По городу были пущены среди простонародья слухи, и не только слухи, но и письменныя воз-

званія, призывавшій къ насиліямъ, въ которыхъ подчеркивалась именно эта сторона вопроса. В связь съ этимъ ставили разбрасываніе по городу Кишиневу прокламацій политическаго характера якобы исходящихъ исключительно отъ евреевъ. Ко времени наступленія пасхальныхъ дней, в народной средѣ, благодаря хорошо налаженной какими то агентами агитаціи, было положительно привито убѣжденіе, что, согласно царскому приказу, евреевъ (какъ враговъ царя) можно убивать безнаказанно. Объ этомъ говорили почти открыто въ домахъ и на улицахъ. Спорили иногда лишь о томъ, на три или на всѣ пасхальные дни дано подобное разрѣшеніе. И если побужденіемъ къ избіенію евреевъ былъ именно такой (? Ред.) а не иной, т. е. внушенная откуда то извнѣ обида за то, что оскорбляютъ возлюбленнаго монарха, спрашивается, будетъ ли на лицо 269 ст. Улож. Нак.? Очевидно нѣтъ. Представьте себѣ на одинъ моментъ доказаннымъ то утверждаемое нами положеніе, что подсудимые явились исполнителями предписанной или подсказанной имъ кѣмъ-то экзекуціи или расправы надъ первыми попавшимися евреями въ надеждѣ, что между ними окажутся авторы или распространители прокламацій или лица, затѣвающія политическія демонстраціи,—на чемъ тогда сосредоточится главный преступный моментъ? Неужели исключительно на дѣйствіяхъ этихъ обманутыхъ слѣпцовъ — настоящихъ подсудимыхъ? Не забывайте, что эта самоуправная расправа надъ мнимыми или дѣйствительными революціонерами внушена имъ извнѣ.

подсудимые стали жертвой обмана; мало того, и самое осуществленіе такой расправы явилось для нихъ возможнымъ, благодаря тому, что оно было поощрено если не подстрекательствомъ, то явнымъ и преступнымъ бездѣйствіемъ полиціи и войска. Что же при такихъ условіяхъ останется отъ преступленія, предусмотрѣннаго 269[1] ст.? Поясню свою мысль возможно яркимъ примѣромъ. Перенесемся на секунду изъ Россіи и отъ всѣхъ этихъ событій въ глубь отдаленныхъ временъ. Возьмемъ Іудею во времена римскаго надъ нею владычества. Римляне были прекрасные юристы; естественно, и у нихъ существовало что нибудь въ родѣ нашей 269[1] ст., предусматривающей нападеніе одной части населенія на другую и карающей преступленія, возникающія на вулканической почвѣ соціальныхъ раздраженій. Теперь возьмемъ общественно-историческій фактъ: издается царемъ Иродомъ приказъ: въ одну ночь избить всѣхъ новорожденныхъ еврейскихъ младенцевъ, мужскаго пола, чтобы не сбылось предсказаніе волхвовъ, что родится Христосъ. Христосъ все таки родился. Но тѣмъ не менѣе, въ одну прекрасную ночь разсылаются по всему городу убійцы, нападающіе на еврейскіе дома; они творятъ насилія, вырываютъ еврейскихъ младенцевъ и убиваютъ. Среди убійцъ есть наемники, есть и фанатики, воодушевленные добровольцы, — будетъ ли это массовое возбужденіе и нападеніе одной части населенія на другую? Нѣтъ, это будетъ простое исполненіе преступнаго приказанія.

Вспомните показанія свидѣтельницы Бейли Ха-

джи и мн. др., что нѣкоторые сердобольные простолюдины еще за недѣлю до Пасхи явно скорбѣли о евреяхъ: „Зачѣмъ вы моете къ празднику ваши хаты? Вѣдь все равно есть приказаніе всѣхъ васъ перебить!“ Убѣжденіе было всеобщее. Стало быть, задача суда прежде всего открыть, кто же авторъ, кто сочинилъ, кто измыслилъ, кто пустилъ въ ходъ эту безбожную, эту неслыханную, лживую версію о царскомъ приказѣ „бить жидовъ“ за то, что они „царскіе враги“. Въ противоположность тому, что здѣсь было высказано нѣкоторыми защитниками, я не слишкомъ себя обольщаю надеждою, я не оптимистъ, я не разсчитываю, что всѣ виновные будутъ привлечены на эту скамью подсудимыхъ, и что каждому будетъ воздано должное. Есть историческіе моменты, когда всю истину открыть невозможно. Я думаю, что мы переживаемъ одинъ изъ такихъ моментовъ, но судью, это не должно останавливать. Онъ обязанъ выполнить свой долгъ до конца. Онъ долженъ исчерпать всѣ средства въ путяхъ, указанныхъ закономъ. Мнѣ остается сказать только, въ какихъ фактахъ, въ какихъ обстоятельствахъ я усматриваю признаки организаціи и подготовленности погрома, т. е. признаки тѣхъ именно обстоятельствъ, кот. не только не были разслѣдованы, но прямо таки были замолчаны предварительнымъ слѣдствіемъ. Прежде всего, позвольте остановить ваше вниманіе на самой картинѣ событій 7-го апрѣля, на внѣшней сторонѣ погрома, разыгравшагося въ сущности на протяженіи нѣсколькихъ часовъ. Въ городѣ, по удостовѣренію свид. генерала Бекмана, огромное

количество войска, вдвое болѣе, чѣмъ нужно для подавленія всякаго рода безпорядковъ. Всѣ какъ будто на чеку, всѣ якобы ждутъ, но глубокой бездѣйствуютъ. Евреевъ разоружаютъ, не даютъ имъ собираться толпами для самозащиты, затѣмъ, словно по сигналу, начинается что-то страшное: разбивается въ мелкіе щепки имущество евреевъ, по всему городу начинается избіеніе,—одновременно начинаются сотни погромовъ, съ одинаковыми пріемами и одинаковыми результатами. Такъ ли проявляется народная вспышка, смута, кончающаяся нападеніемъ одной части населенія на другую? Въ правительственномъ сообщеніи указывается, какъ поводъ: столкновеніе какого-то еврея, содержателя карусели, съ христіанкой, по слѣдствіе что-то опровергло. Искали другихъ поводовъ, послѣ ихъ измышляли, но въ дѣйствительности ихъ не было. Да если бы и былъ поводъ и возникло дѣйствительно столкновеніе, вся картина смуты была бы совершенно иная, нормальная и обычная въ такихъ случаяхъ. Отъ искры вспыхнуло бы пламя въ одномъ мѣстѣ и стало бы разгораться однимъ очагомъ, пока не обратилось бы въ общее пожарище. Здѣсь же наблюдалось совершенно иное. Въ сотняхъ разныхъ пунктовъ подожжено было одновременно. Это былъ искусственный поджогъ, а не естественный пожаръ вспыхнувшихъ въ толпѣ страстей. И какъ же кончилось все, какъ улеглось бурное, неудержимое якобы волненіе массы?—Въ одинъ мигъ, почти какъ только стало извѣстно, что присланъ свыше приказъ прекратить безпорядки. Не было сдѣлано

ни одного выстрѣла. Развѣ такъ легко успокаивается разъяренная толпа, дѣйствующая по внутреннему неудержимому импульсу? И начало, и конецъ безпорядковъ наступили точно по мановенію волшебнаго жезла. Это походило скорѣе на какое то праздничное, хотя и неслыханное зрѣлище, которому объявлено начало, объявленъ и конецъ. Согласитесь, господа судьи, что я не отступилъ отъ истины. Достаточно прочесть протоколъ осмотра гор. Кишинева, чтобы согласиться, что на протяженіи 5-6 час. было совершено нѣчто поистинѣ ужасное, нѣчто феерическое, на описаніе результатовъ чего слѣдовательно понадобилось много дней. На основаніи точно провѣренныхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ, я утверждаю, что на протяженіи нѣсколькихъ часовъ весь городъ Кишиневъ превратился въ гигантскую арену древняго римскаго цирка, опоясаннаго войсками и рукоплещущей толпой, въ глубинѣ которой разыгрался неслыханное для нашихъ дней кровавое зрѣлище. Съ одной стороны загонялись несчастныя жертвы, съ другой—выпускались на нихъ разъяренные звѣри, и когда сказали: „довольно, конецъ представленію!"—оно кончилось, какъ кончается всякое представленіе. Я утверждаю, что въ самихъ внѣшнихъ признакахъ событія кроются уже всѣ признаки внутренней его организаціи".

Далѣе Карабчевскій перешелъ къ подробному анализу агитаторской дѣятельности издателя „Бессарабца", Крушевана, и его связи съ такими подстрекателями,—литераторами и патріотами на прокатъ,—каковы Пропинъ и Степановъ, имѣвшіе,

благодаря своему общественному положенію въ качествѣ подрядчиковъ, возможность вліять на народныя массы „Г. Левендаль, бывшій начальникъ охр. отдѣл., былъ несомнѣнно знакомъ съ Крушеваномъ и Пронинымъ, а кто знаетъ (это то и надо разслѣдовать), во что вылилась въ данномъ случаѣ комбинація охранныхъ тенденцій и патріотической миссіи такихъ ярко опредѣлившихся личностей, какъ Пронинъ, Крушеванъ и Степановъ? Что Левендаль въ дѣлѣ еврейскаго погрома сыгралъ какую то весьма печальную роль— это для меня несомнѣнно. Достаточно вспомнить, что губ. фонъ-Раабенъ готовъ уже былъ выѣхать, чтобы прекратить погромъ, когда его остановилъ какими-то магическими словами Левендаль. Что это было за слово, надо спросить у Левендаля. Онъ не опрошенъ! Не опрошенъ и фонъ-Раабенъ; быть можетъ, послѣдній вовсе не такъ виноватъ, какъ до сихъ поръ думали. Онъ могъ быть жертвой обмана и ложныхъ служебныхъ докладовъ. Начальникъ охр. отд. имѣющій свою спеціальную миссію, значительно независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Все это надо дослѣдовать!...

Заявленіе Соколова.

Въ виду того, что объявленное до перерыва распоряженіе предсѣдателя касалось, между прочимъ, формы прошеній потерпѣвшихъ, я считаю необходимымъ остановиться на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ потерпѣвшими лицами было пода-

но болѣе 300 прошеній на имя прокурора Кишин. Окр. Суда. Въ прошеніяхъ потерпѣвшіе не только указываютъ на фактъ разгромленія имущества, но и на размѣръ понесенныхъ ими отъ того убытковъ, въ чемъ ясно выражалось ихъ желаніе взыскать эти убытки съ виновныхъ. Однако, оказалось, что въ стадіи предварительнаго слѣдствія изъ числа этихъ признаны гражданскими истцами по всѣмъ 22 дѣламъ лишь около 20 лицъ. Случилось же это потому, что большинство прошеній прокуроръ передалъ слѣдователю. Другую причину мы находимъ въ показаніи свидѣтеля Португейса, который удостовѣрилъ, что слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, г. Фрейнатъ, на выраженныя свидѣтелями желанія предъявить гражданскій искъ категорически совѣтовалъ не обременять его работой и не дѣлать этого заявленія теперь, говоря, что заявленіе иска и впослѣдствіи непосредственно въ судебную палату сохранитъ за ними всѣ права. Очень многіе потерпѣвшіе послушались этого совѣта и предъявили иски непосредственно въ судебную палату, но послѣдняя не признала за ними права на вызовъ дополнительныхъ свидѣтелей; на уменьшеніе числа гражданскихъ исковъ, признанныхъ въ стадіи предварительнаго слѣдствія, повліяло также то обстоятельство, что много прошеній, поданныхъ прокурору и слѣдователю, было возвращено жалобщикамъ. Одно изъ такихъ прошеній было представлено присяжнымъ повѣреннымъ Зарудныхъ. Въ настоящее время я представляю три такихъ же прошенія. То обстоятельство, что прошенія эти были въ рукахъ слѣдова-

теля; доказывается тѣмъ, что на всѣхъ нихъ имѣются карандашныя помѣтки служебнаго характера, сдѣланныя рукою г. Фрейната. Особенно характернымъ для настоящаго дѣла является возвращеніе прошенія Брухиса. Лавка его была первою разгромлена на Новомъ Базарѣ; слѣдователь сдѣлалъ объ этомъ отмѣтку и, тѣмъ не менѣе, ничего не сдѣлалъ по нему. И вотъ, когда заключено слѣдствіе, веденное такимъ образомъ, потерпѣвшими были поданы въ палату тѣ же самыя прошенія, шаблонная форма которыхъ ввела, по заявленію г. предсѣдателя, въ заблужденіе судебную палату. Но если прошенія эти ввели въ заблужденіе палату, то и я былъ введенъ въ заблужденіе представленіемъ о томъ, что въ Одесской Судебной Палатѣ при опросѣ свидѣтелей исполняются законы и порядокъ, установленные 718-ой ст. Уст. Угол. Суд. Оказалось, что статья въ данномъ дѣлѣ не исполняется, нарушеніе коея столь существеннымъ образомъ нарушаетъ мои права, какъ представителя интереса потерпѣвшихъ, что я не считаю возможнымъ дальше выполнять свои обязанности.

Заявленіе Грузенберга.

Все время я стоялъ на исключительно юридической почвѣ и касался общихъ вопросовъ лишь постольку, поскольку они связаны съ существомъ разбираемаго дѣла. Еще третьяго дня, сложивъ вмѣстѣ съ остальными товарищами исполненіе обязанностей повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ

въ томъ объемѣ, въ какомъ мы разсчитывали их
выполнить согласно закону, и убѣдившись, чт
дальнѣйшее наше пребываніе, болѣе чѣмъ безцѣль
но, мы, по уполномочію товарищей, остались лиш
для выполненія самой скромной функціи контро
ля за свидѣтельскими показаніями и своевремен
наго ходатайства о закрѣпленіи ихъ въ протоко
лѣ судебнаго засѣданія. И вотъ теперь, не смо
тря на то, что я все время стоялъ на исключи
тельно формальной почвѣ и на точномъ примѣне
ніи велѣній судебныхъ уставовъ, я убѣдился, чт
въ силу состоявшагося распоряженія я не могу
пользоваться даже правилами 713 ст. Уст. Ук. Суд.:
свидѣтелямъ не позволено показывать о дѣлѣ, ко
торое вы обсуждаете. Мнѣ остается одно: сло
жить съ себя и эти скромныя обязанности, в
возможность выполненія которыхъ я вѣрилъ еще
нѣсколько дней тому назадъ, для чего и остался
въ залѣ судебнаго засѣданія.

Возраженіе Грузенберга Шмакову.

Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ въ по
слѣдній разъ. Никогда не думалъ я, чтобы у пред
ставителя извѣстной части защиты хватило дер
зости бросить въ догонку уходящихъ грязью. Но
и въ этомъ мы ошиблись. Г. Шмакову дана воз
можность заявить на насъ доносъ тѣмъ болѣе
тяжкій, что мы лишены всякихъ средствъ его опро
вергнуть, такъ какъ мы не можемъ доказывать
отрицательные факты. Воспользовавшись словами
одного изъ нашихъ товарищей, г. Ш. позволилъ

себѣ заявить, что мы являемся представителями еврейскаго народа, преслѣдующаго одну лишь цѣль—опозорить русскій народъ и его судъ. Заявляю торжественно и требую занесенія этихъ словъ въ протоколы: я считаю себя такимъ же членомъ русскаго общества, но только іудейскаго вѣроисповѣданія. Я всегда готовъ биться за всякую народность, несправедливо угнетаемую. Я съ такимъ же рвеніемъ ѣздилъ на защиту осетинъ и другихъ народностей, безъ всякаго различія. Интересы Россіи мнѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе дороги, чѣмъ г. Шмакову. Я вѣрю въ силу общественнаго мнѣнія, въ силу русскаго суда и не считаю нужнымъ обращаться къ иностранцамъ. Я заявляю, что никогда ни самъ, ни черезъ чье-либо посредство не обращался къ иностранной печати. Зная, что въ газетахъ (? Ред.) появились свѣдѣнія, позорящія честь русскаго суда, я счелъ неприличнымъ представить таковыя, подобно г. Ш., вашему вниманію. Заявить теперь, когда мы уходимъ, ходатайство объ открытіи дверей засѣданія—и несвоевременно, и недостойно. Намъ говорятъ, что мы стремимся опозорить Россію. Чѣмъ? Доказательствомъ звѣрства толпы, совершившихся преступленій и изобличеніемъ виновныхъ. Я думаю, я вправѣ сказать, что убійцы, насильники и грабители, безчинствовавшіе въ теченіи 4-хъ дней въ Кишиневѣ, во всякомъ случаѣ, менѣе позорятъ Россію, чѣмъ тотъ, кто, явившись въ судъ для защиты подсудимыхъ и забывъ о нихъ, сводитъ личные счеты съ ненавистной ему угнетаемой національностью.

Заявленіе Пергамента.

Я до сихъ поръ мало злоупотреблялъ вашимъ вниманіемъ, гг. судьи. Позвольте и мнѣ теперь сказать вамъ нѣсколько словъ въ нравственное обоснованіе своего заявленія. Вполнѣ присоединяясь къ объясненіямъ своихъ товарищей, я прибавлю, что явился сюда не для однихъ только гражданскихъ взысканій. И не для мщенія остальнымъ лицамъ пришелъ я сюда отъ имени того народа, которому хотятъ навязать, какъ правило нравственнаго поведенія, отжившія и непонятныя слова: „око за око—зубъ за зубъ“. Памятуя, въ силу лежащаго на мнѣ званія, что судъ не общественный митингъ, не арена для политической борьбы, я вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что судъ и не академія для разрѣшенія отвлеченныхъ юридическихъ вопросовъ. Судъ разсматриваетъ жизненныя и житейскія отношенія. Я пришелъ отъ имени этого народа просить васъ объявить вашимъ авторитетнымъ рѣшеніемъ, что и онъ, этотъ народъ, имѣетъ право хотя бы и на личную только неприкосновенность. Я пришелъ отъ имени разгромленныхъ страдальцевъ искать у васъ, если не утѣшенія за прошедшее, то хотя бы надежды на будущее. Эту надежду мы всѣ видѣли въ предоставленіи угнетенному населенію гарантіи правомѣрнаго существованія. Мы считаемъ ея осуществленіе (возможнымъ) при полномъ обслѣдованіи дѣла. Поэтому мы просимъ васъ о примѣненіи 549 ст. Уст. Уг. Суд. Мы думали, что собранныхъ нами данныхъ достаточно. Вереницей живыхъ лицъ прошли

они передъ вами; неоспоримыми, молчаливыми, но краснорѣчивыми документами лежатъ они на судейскомъ столѣ. Вы думаете иначе. Теперь, когда окончательно утратилась возможность осуществленія нашей задачи, позвольте мнѣ сложить свои полномочія и оставить залъ судебнаго засѣданія.

Рѣчь С. П. Шамонина.

Рядъ новыхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ на судѣ и дающихъ совершенно новое освѣщеніе того, почему произошелъ кишиневскій погромъ, вынуждаетъ защиту ходатайствовать о направленіи дѣла къ дослѣдованію на основаніи 549 ст. Уст. Уг. Суд., такъ какъ, съ полнымъ выясненіемъ этихъ только намѣтившихся обстоятельствъ, измѣняется дальнѣйшее направленіе дѣла и самая квалификація дѣяній, совершенныхъ подсудимыми. Открылось на судѣ, что губернатора задолго до 6 апрѣля предупреждали о погромѣ. Обнаружилось, что въ пользу погрома дѣятельно агитировали путемъ прокламацій, которыя разсылались по трактирамъ и читались тамъ темною массою. Эти прокламаціи призывали къ погрому, обѣщая безнаказанность за него и угрожая насиліемъ въ случаѣ неогласшенія ихъ. Оказалось, что наканунѣ погрома неизвѣстные люди обходили дома въ Кишиневѣ, отмѣчая принадлежащіе евреямъ. Погромъ, стало быть, былъ подготовленъ заранѣе. Въ этомъ убѣждаетъ установленная на судѣ картина самого погрома. Погромъ начался сразу во многихъ мѣстахъ. Громилы имѣли при себѣ книжки, въ которыхъ были отмѣчены еврейскіе дома и квартиры. Най-

ки громилъ были подъ номерами и назывались, по словамъ свидѣтелей, „седьмыми“, „девятыми“ и пр. Для погрома, по словамъ Фейгина, были присланы 120 молодцовъ и вооружены были всѣ громилы однообразно, однообразными палками и отрѣзками водопроводныхъ трубъ.

Кѣмъ подготовленъ былъ погромъ,—на это слѣдствіе даетъ новыя заранѣе еще неизвѣстныя указанія. Оказывается, что всюду съ громилами были агенты начальника охраннаго отдѣленія Левендаля, приглашавшіе всѣхъ „бить жидовъ“; что кишиневскія войска не были пущены въ дѣйствіе для прекращенія безпорядковъ, такъ какъ г. Левендаль сберегалъ ихъ для какихъ-то особыхъ цѣлей; что г. Левендаль терроризировалъ губернатора, дѣйствовавшаго по его указаніямъ и во всемъ ему подчинявшагося. Принимая во вниманіе, что, по словамъ главнаго свидѣтеля, г. Пропина, правду о погромѣ можно узнать только у г. Левендаля, защита утверждаетъ, что Левендаль организовалъ погромъ, но не какъ частное лицо, а какъ носитель власти, выражающій желанія власти и поступающій съ благословленія высшаго начальства.

Что погромъ былъ разрѣшенъ всею совокупностью административныхъ властей, подтверждается поведеніемъ кишиневской полиціи во время избіенія евреевъ.

7-го апрѣля рано утромъ полиція обезоружила всѣхъ евреевъ, отняла у нихъ приготовленныя для самозащиты дубины и разогнала по домамъ, обезопасивъ себя, такимъ образомъ, отъ всякаго сопротивленія съ ихъ стороны. Городовые или во

главѣ шаекъ, какъ бы предводительствуя ими, и указывали громиламъ еврейскіе дома. Околодочные надзиратели и пристава заставляли громить, говоря народу: „бей жидовъ, ничего не будетъ". Наконецъ, еще до наступленія Пасхи полиція объявила темному люду, что вышелъ царскій указъ—бить евреевъ на Пасху въ теченіи трехъ дней.

Все это, вмѣстѣ взятое, съ большими усиліями сторонъ на судѣ обнаруженное, не оставляетъ сомнѣнія, что кишиневскій погромъ былъ организованъ мѣстной властью, и что подсудимые дѣйствовали не по тѣмъ побужденіямъ, которыя предусмотрѣны 269 ст. Ул. о нак. Они обвиняются въ неповиновеніи власти, а, оказывается, дѣйствовали во исполненіе велѣнія ея. Для разрѣшенія, поэтому, того, что погромъ былъ созданіемъ не подсудимыхъ, а предварительной организаціи, исходившей отъ административной власти, дѣло о настоящихъ подсудимыхъ должно быть направлено, согласно 549-ойст. Уст. Уг. Суд., къ дослѣдованію.

Рѣчь С. В. Кальмановича.

Если бы, домогаясь направленія дѣла къ дослѣдованію, мы имѣли въ виду лишь увеличить число лицъ, занимающихъ нынѣ скамью подсудимыхъ; если бы въ результатѣ домогательства нашего мы хотѣли достигнуть лишь увеличенія количества тѣхъ, которые отвѣтственны предъ потерпѣвшими за причиненные убытки, я не былъ бы такъ настойчивъ въ просьбѣ нашей. Но рѣчь идетъ о вещахъ, несравненно болѣе важныхъ: мы говоримъ

о самой правдѣ того дѣла, которое подлежитъ вашему суду.

Гг. судьи! Если бы на далекомъ разстояніи вамъ показали шаръ, то, видя одну его сторону, вы легко приняли бы его за кругъ. Истинную форму вы увидѣли бы не раньше, чѣмъ подошли бы къ предмету наблюденія близко. Я думаю, гг. судьи, что слѣдственное производство и обвинительный актъ показали вамъ кишиневское дѣло не въ дѣйствительномъ его видѣ. И только теперь, послѣ трехнедѣльнаго неустаннаго труда, вы можете обнаружить настоящую форму и реальное содержаніе того преступленія, которое совершено въ пасхальные дни въ г. Кишиневѣ.

Для потерпѣвшихъ отъ погрома, гг. судьи,—для тѣхъ, въ интересахъ которыхъ мы явились сюда, для евреевъ имѣетъ значеніе только раскрытіе дѣйствительныхъ причинъ преступленія. Остальное сравнительно неважно. Что намъ въ томъ, осудите ли вы большее или меньшее количество людей изъ тѣхъ, которые преданы суду; много ли значитъ для насъ и то, въ какихъ размѣрахъ вы присудите съ нихъ въ пользу евреевъ убытки. Не наказанія этихъ несчастныхъ мы ищемъ; оно будетъ примѣнено къ виновнымъ и безъ нашего содѣйствія. И денежнымъ присужденіямъ мы тоже знаемъ цѣну: они останутся въ исполнительныхъ листахъ.

Не наказанія и не денегъ намъ нужно. Намъ нужно другое, гг. судьи.

Скажите намъ, почему насъ били? Страшные кишиневскіе дни вызвали многочисленныя и мно-

гообразныя объясненія. Скажите намъ, гдѣ истина, гг. судьи? Правду ли говорятъ тѣ защитники подсудимыхъ, которые, монополизируя въ свою пользу любовь къ общей нашей родинѣ, пытаются установить изъ матеріала судебнаго слѣдствія, что еврейскій народъ враждебенъ русскому отечеству, что онъ народъ преступный, обмѣривающій, обвѣшивающій, мошенничающій, и что кишиневскіе дни — естественная расплата съ нами за порочность нашу, стихійная кара за наши преступленія. Правду ли говорятъ другіе, утверждавшіе, что жестокость, проявленная 6-го и 7-го апрѣля въ Кишиневѣ, знаменуетъ собой безсердечіе и злобу русскихъ, что отвѣтственность за позорныя дѣйствія звѣрской толпы и звѣрскихъ полуинтеллигентовъ лежитъ тяжкимъ бременемъ на всемъ русскомъ народѣ? Или же причины преступленія лежатъ въ другомъ мѣстѣ? Раскройте ихъ, гг. судьи; способы раскрытія намѣчены судебнымъ слѣдствіемъ. Не закрывайте же ни глазъ, ни ушей своихъ!

Объясните, гг. судьи, поведеніе кишиневскаго губернатора въ дни погрома. Почему военный генералъ, котораго нѣтъ основанія заподозрить въ недостаткѣ мужества, администраторъ, который не могъ не знать, что слѣдуетъ предпринять въ дни грабежа и убійства, велъ себя такъ, какъ г. фонъ Раабенъ. Спуститесь ниже по лѣстницѣ кишиневской администраціи. Объясните себѣ поведеніе полиціймейстера Ханженкова не дающаго никакого повода предполагать, что онъ бездѣйствовалъ потому, что не зналъ, какъ дѣйствовать. Спуститесь до низшихъ чиновъ полиціи и най-

дите, гг. судьи, объясненіе поведенію городовыхъ и околодочныхъ въ Кишиневѣ — чиновъ полиціи, о которыхъ нѣтъ основанія думать, что они вообще хуже, чѣмъ низшіе чины полиціи во всей Россіи, — и тогда вы направите дѣло къ дослѣдованію. Гг. судьи, въ сугубо закрытое зданіе, гдѣ вы творите судъ вашъ, напряженно глядитъ духовными очами вся Европа, можетъ быть, весь культурный міръ; они желаютъ знать, гдѣ кроются причины кишиневскаго преступленія. Вы любите свою родину, гг. судьи. Скажите же всему міру, что ни въ порочности евреевъ, ни въ жестокости русскаго народа этихъ причинъ нѣтъ, что лежатъ онѣ въ порочности и жестокости отдѣльныхъ людей, а не народовъ, и раскрывая эти причины, не останавливайтесь ни передъ какими лицами, какъ бы высоко ни было служебное положеніе, которое они занимаютъ.

Поправка къ стр. 3-ей

7-ая стр. сверху:

Напечатано: „защитники и гражданскіе истцы сложили съ себя полномочія и оставили залъ....“

Должно быть: всѣ защитники — за исключеніемъ одного, оставшагося на судѣ въ качествѣ ихъ представителя, — оставили....

Примѣчаніе. — По типографской ошибкѣ рѣчи Шамонина и Кальмановича помѣщены послѣ всѣхъ заявленій и возраженія Грузенберга.

ИЗДАНІЯ „БУНДА“

На русскомъ языкѣ.

Воззваніе къ еврейской интеллигенціи (3 изд.).
Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.
Отчетъ о IV съѣздѣ Бунда (2 изд.).
Заработная плата.
№ 25-ый „Арбейтеръ-штимме“.
Нарія среди пролетаріевъ.
Въ темную печь.
Къ вопросу о нац. автономіи и о преобразованіи Партіи на федеративныхъ началахъ.
Манифестъ Вс. С.-Д. Федер. Союза кожевен.
Гиршъ Лекертъ и его процессъ.
Къ вопросу о терроризмѣ.
Польская Соціалистич. Партія о евр. раб. движ.
Къ вопросу объ организаціи демонстрацій и празднованія 1 Мая.
Положеніе Бунда въ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.
VI сіонистическій конгрессъ.
Отчетъ о V съѣздѣ Бунда.
II съѣздъ Рос. Партіи. Отчетъ делегаціи Бунда.
„Послѣднія Извѣстія“ (выходятъ еженедѣльно).